

Космополитская правда
1944, 20 ноября, № 21

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Михаилу Ульянову — 50 лет

ВСЕГДА, когда я вижу Михаила Александровича Ульянова не на сцене и не на экране, а просто в жизни, на различных ее перекрестках, имеющих и не имеющих отношения к искусству, у меня возникает такое чувство, словно меня чем-то вдруг обрадовали. А чем? Да вот тем, что живет на свете такой человек. Тем, что у него такое русское, простонародное и интеллигентное лицо, с которым можно сыграть и председателя колхоза Егора Трубникова, и, наверное, — даже убежден в этом — графа Льва Николаевича Толстого. Тем, что у него прочные плечи и прочная походка, за которыми чувствуется не только физическая, но душевная прочность. Тем, что в нем есть та, независимая от профессии, человеческая сила, без которой в моем представлении даже самому большому таланту вечного чего-то недостает.

Человеку, встречаю с которым я неизменно радуюсь, ныне исполняется 50 лет.

Конечно, я видел не все, что было сделано в театре и в кино Михаилом Ульяновым, одним из сильнейших — мне хочется употребить именно это слово — сильнейших — актеров нашего времени.

Однако видел многое, начиная с Сергея в «Иркутской истории» на сцене театра Вахтангова. Но к этому ощущению, что передо мною один из сильнейших, я все-таки пришел не постепенно, а сразу, в один, навсегда запомнившийся мне день, когда увидел Михаила Ульянова — Егором Трубниковым.

О том, как Ульянов сыграл в этом фильме председателя колхоза, много — и сразу, и потом — писали и, пожалуй, еще больше говорили, причем — и это очень важно — говорили не столько об искусстве, не столько об исполнении роли актером, сколько о роли и о месте в жизни таких людей, как Трубников, о их правоте и неправоте, о месте личности в истории, словом, говорили о самых насболевших вопросах жизни, и, говоря о них, аргументировали Трубниковым — Ульяновым, отталкивались от него, спорили или соглашались. И, на мой взгляд, это и есть высшая победа актера, вышедшее проявление его силы. Ведь дело не просто в том, что Ульянов хорошо или превосходно — можно найти и много других эпитетов — сыграл Трубникова, — дело в том, что он сыграл человека, которого не вынешь из жизни, из его эпохи, через которого не переступишь, как не переступишь через саму жизнь, через саму эпоху. И все принципиальное, на мой взгляд, значение победы Ульянова в этой его работе состояло в том, что он сыграл не героя на все случаи жизни, не человека, которому призывает подражать при всех обстоятельствах, а личность, не вынимаемую из породившего ее времени и в силу этого — историческую.

Надо сказать, что чувство истории вообще, как мне кажется, органически присуще Ульянову, и мне бы хотелось сегодня подробнее сказать именно об этом, вспоминая несколько последних по времени работ Ульянова.

«Фронт». Написанная тяжким летом 1942 года и тогда же напечатанная в «Правде» пьеса Александра Корнейчука. Пьеса, вокруг которой тогда, в разгар войны, кипели страсти — отнюдь не театральные, а личные, связанные с судьбами, с биографиями, с героическими и трагическими личными воспоминаниями многих и многих, продолжавших участвовать в войне людей. Пьеса не могла ответить на вопрос о том, как надо воевать, чтобы победить фашизм. На этот вопрос постепенно ответила сама жизнь. Но наиболее очевидные примеры того, как не надо, как нельзя воевать, пьеса обнажала на глазах людей, продолжавших воевать, среди которых были не только Огнев, но и Горловы.

Ульянов сыграл сейчас, через тридцать с лишним лет после войны, главную роль в пьесе, сыграл Горлова, человека, которому неотвратимо предстояло быть снятым с должности командующего фронтом, потому что продолжать воевать так, как, с уверенностью в своей правоте, продолжал воевать он, — значило проиграть войну.

Меня поразило, с какой глубокой историзмом сыграл Ульянов эту роль, написанную драматургом, может быть, даже переизбыточно сатирическими красками. Ульянов не перечеркнул эти краски, не отрестил от них, не убоился внешней резкости сатирического силуэта роли, — но при этом наполнил ее трагизмом. И трагизмом времени, — потому что каждая ошибка Горлова в должности командующего фронтом — это кровь и еще раз кровь, в том числе кровь собственного сына, и трагизмом внутренним, личным, потому что Горлов Ульянов — это человек, готовый по капле отдать всю свою собственную кровь за дело, которому он служит. Но при его глубоком внутреннем убеждении, что дело это он делает именно так, как и должно, на самом деле он оказывается способен привести это дело к гибели. И этот исторический трагизм положения Горлова Ульянов сыграл, не убоившись сохранить, а порой даже усилить те сатирические характеристики, которыми наградил Горлова драматург. Внешне Горлов Ульянова иногда строг, иногда смешон, иногда дик, но внутренне неизменно исторически трагичен.

Одна из последних работ Ульянова — Ричард III на сцене Вахтанговского театра. Об этом спектакле существуют различные мнения, и я сам отнюдь не все в нем приемлю. Но Ульянов — не как режиссер спектакля, а как Ричард III поистине заставляет думать над историей и заново ужасаться тому, какая опасность таится в каждом историческом случае жажды безграничной власти над всем и вся. Играя Ричарда, Ульянов одновременно играет и всю силу страсти этого человека к безграничной власти, и всю силу своего собственного отвращения и к этой страсти, и к носителю этой страсти — к Ричарду III.

Для Ульянова страсть к

власти — это не только страшная страсть, это еще и низкая страсть, может быть, самая низкая из всех человеческих страстей, поэтому он и беспощаден к Ричарду, поэтому, взойдя на вершину власти, его Ричард еще до своего падения уже жалок и ничтожен, ибо в самой сути своей та цель, к которой он карабкался по лестнице из трупов, — нравственно ничтожна.

Два года назад мне посчастливилось вместе с Ульяновым принимать участие в работе над телевизионным фильмом, посвященным памяти Александра Твардовского. Посчастливилось — именно то слово, которое я хотел употребить. В том, как Ульянов читал стихи Твардовского — и ранние, и военные, и последних лет жизни, — было что-то от самого Твардовского, возникало какое-то ощущение его собственного присутствия при этом. Казалось, что Ульянов где-то рядом с Твардовским шел от «Страны Муравии» к «Теркину», к войне, а от войны — к послевоенным размышлениям, к последним стихам, и к самым последним, и за этой неотделимостью от Твардовского стояло нечто еще большее — неотделимость от времени, к которому принадлежал и на нравственную жизнь которого влиял Твардовский.

И хотя я сейчас буду говорить совсем о другом, но начну с того же — с ощущения неотделимости от времени. Именно это чувство вызвал у меня в фильме «Блокада» тот Жуков, которого сыграл Ульянов. Мне доводилось видеть Георгия Константиновича Жукова многократно, начиная с 1939 года, с Халхин-Гола и до последних лет его жизни. И казалось бы, то, что Ульянов не стремится при помощи грима добиться максимального внешнего сходства, должно было бы помешать мне воспринимать его как Жукова. Однако на деле — все наоборот. Да, у меня так же, наверное, как и у других людей, много раз в жизни выдавших Жукова, не возникает мгновенной порожности физического сходством, — зато возникает нечто другое, возникает чувство, что перед тобой — Жуков — с его силою характера, с его масштабом личности, с его обыкновением говорить и действовать именно так, именно в эти, а не в каких-либо иных исторических обстоятельствах. Возникает главное: вера в правду того, как говорит, и того, как поступает там, на экране, этот человек.

Думаю, что масштабы того достижения, к которому пришел здесь Ульянов, близки к нашим представлениям о Чапаеве — Бабочкина.

Убежден, что Ульянов на этом не остановится и еще вернется на экране к образу Жукова, и в этом смысле его работа в фильме «Блокада» — только великолепное начало дальнейшей работы. Думаю, что это одно из тех, адресованных в будущее, желаний, исполнению которых нам еще предстоит порадоваться вместе с самим Ульяновым.

Константин СИМОНОВ.